На правах рукописи

Соктоев Зорикто Борисович

ПРИЧИННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
теоретические и прикладные проблемы

12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва — 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

Научный консультант: **Звечаровский Игорь Эдуардович**, доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Наумов Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», профессор кафедры уголовного права и криминологии)

Побегайло Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия», профессор кафедры уголовного права и процесса)

Яни Павел Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета)

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «**Дальневосточный федеральный университет**»

Защита состоится 09 апреля 2015 года в 12^{00} часов на заседании диссертационного совета Д 212.123.01 на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) по адресу: г. Москва, 123993, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Полный текст диссертации, автореферат диссертации, а также отзыв научного консультанта размещены на сайте Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА): http://msal.ru/general/academy/councils/collab/.

Автореферат разослан «____» _____ 2015 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент В. Н. Орлов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Трудно представить другую такую проблему уголовного права, как причинная связь, которая, будучи философской категорией, понятием высокой теоретической абстракции, имела бы вместе с тем настолько выраженное прикладное назначение. Сложности преломления проблемы в уголовном праве вызваны крайне неоднозначным пониманием этой категории в философии, попытками исследователей перенести в уголовное право ту дискуссию, которая имеет место в философской литературе. И это — при потребности практического работника в простом и ясном решении вопроса о необходимой и достаточной для уголовной ответственности связи между деянием лица и причиненным общественно опасным результатом. Отмеченная внутренняя противоречивость, которую получает проблема сквозь призму уголовно-правовой материи, порождает крайнюю запутанность, изощренность попыток теоретического обоснования юридически значимой причинной связи и порой неразрешимые сложности при практическом выявлении этой связи по конкретному уголовному делу.

Оставаясь одной из наиболее существенных и в то же время нерешенных проблем, причинная связь в уголовном праве рассматривается предельно узко: в преломлении к преступлениям исключительно с материальным составом. Лицо подлежит ответственности лишь за то виновно совершенное деяние, которое состоит в причинной связи с наступившими общественно опасными последствиями. При отсутствии релевантной причинной связи уголовная ответственность лица, совершившего деяние, исключается.

Применительно к преступлениям с формальным составом (а они предусмотрены в 60 % уголовно-правовых норм) указанный вопрос не ставится. Утверждается, что в таких случаях сам факт совершения деяния свидетельствует о причинении вреда охраняемым уголовным законом объектам или создании угрозы причинения им вреда, имея в виду, что вредный результат и причинную связь законодатель уже оценил и, презюмировав их наличие, сформулировал соответствующим образом уголовно-правовую норму. В связи с этим каузальный анализ при уголовно-правовой оценке этого вида преступлений признается действием избыточным. Руководствуясь приведенными положениями уголовно-правовой доктрины и сложившейся правоприменительной практикой, правоприменитель при квалификации преступлений с формальным составом не выявляет, специально не доказывает момента причинения, создания реальной угрозы причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Тем самым игнорируется необходимость установления генетической связи между деянием лица и объектом преступления как обязательной составляющей основания уголовной ответственности, а значит, возникают сомнения и в законности, обоснованности и справедливости подобного решения по делу.

Законодательная регламентация преступлений с материальным и формальным составами не учитывает положений ст. 5 Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее — УК). Использование формальных составов ведет к прямому противоречию с законодательными установлениями о формах вины. Умысел и неосторожность предполагают охват внутренним миром субъекта и действия (бездействия), и общественно опасных последствий. Активность человека, в том числе преступная, проявляется во вносимых им изменениях в окружающем природном или социальном мире. Уголовно-правовое значение имеют те вредные изменения, причиняемые преступлением в объектах уголовно-правовой охраны, которые субъект по меньшей мере должен был и мог предвидеть. В связи с этим важно понимать, прежде всего адресату уголовно-правовых требований, то, ради чего (для предотвращения каких преступных последствий) устанавливается уголовно-правовой запрет. Игнорирование необходимости установления общественно опасных последствий, механизма их причинения в случаях совершения преступлений с формальным составом и должно аргументированно выводить либо на особую конструкцию вины, либо констатировать неизменность следования положениям действующего уголовного закона.

Многие вопросы правоприменения (юридического окончания преступления, времени совершения преступления (действия уголовного закона во времени), малозначительности деяния, добровольного отказа от доведения преступления до конца, множественности преступлений, исчисления сроков давности и т. д.) разрешаются зачастую по прямому указанию высших судебных инстанций на основе отнесения деяния к разновидности преступлений с формальным или материальным составом. При практическом применении оказывается, что задачу такого отнесения невозможно более или менее однозначно решать по целому ряду преступлений. Лишним подтверждением тому являются имеющиеся разноречия по этому вопросу в доктрине уголовного права.

Проблема причинности преступлений с формальным составом осложняется еще и тем, что остаются открытыми вопросы о причинных зависимостях в материальных составах преступлений. Предлагаемые различными авторами подходы к решению проблемы причинной связи пока еще не снимают всех возникающих в правоприменительной практике вопросов.

Степень научной разработанности темы исследования позволяет рассмотреть проблему причинности в уголовном праве с новых позиций и в связи с этим обязывает сделать определенные выводы.

Во-первых, причинность, будучи фундаментальным понятием высокой абстракции, до сих пор не имеет своего четкого, однозначного решения в философии. Это объясняется тем, что по мере более глубокого проникновения в изучаемую действительность меняется само понимание причинности. Поэтому важно учитывать современное состояние проблемы, которое можно описать в настоящее время языком неклассического, системно-кибернетического, вероятностного, нелинейного мышления. Современная интерпретация причинности существенно отличается от ее понимания классическим естествознанием прошлых веков. Это важный, особенно для отечественного уголовного права, момент, поскольку до сих пор основу представлений об

уголовно-правовой причинности образует преимущественно багаж знаний классического естествознания с его концепцией жесткой детерминации. Имеет смысл исследовать уголовно-правовую причинность с позиций современной философии.

Во-вторых, разработанность темы исследования в значительной мере определяется отрицанием в доктрине уголовного права самой возможности конструирования самостоятельной теории причинной связи. Едва ли не аксиомой объявляется положение, согласно которому юрист в решении вопросов причинных зависимостей должен ограничиться философским знанием.

Между тем философия отличается всегда авторским подходом к решению проблем категориального понимания мира, имеет собственную нелинейную логику развития, свою систему знаний, не сводимую к междисциплинарным проблемам науки. Исходя из этого в диссертации объясняется научная потребность в исследовании уголовно-правовой причинности как особого правового феномена и сообразно этому — в собственном уголовно-правовом учении о причинной связи.

Попытки решения проблемы причинной связи в уголовном праве, предпринятые в ранее проведенных диссертационных исследованиях, были основаны на иной теоретико-методологической основе.

В частности, так и остался, по нашему мнению, уязвимым предложенный в докторской диссертации Т. В. Церетели (М., 1948) критерий «реальной возможности вмешательства». Автор строго разграничивала причины и условия наступления общественно опасных последствий, считая ненаказуемыми обусловливающие действия. По мнению Т. В. Церетели, действия человека имеют причиняющий характер до тех пределов, до которых простирается его реальная возможность вмешаться в объективный ход событий и своим вмешательством изменить этот ход событий в определенном направлении. Попытки практического использования выделенного критерия показали его неясность и расплывчатость.

В докторской диссертации В. Б. Малинина (СПб., 1999) проанализированы методологические и теоретические основы причинности преступлений с материальным составом, изучены обоснованные отечественными исследователями концепции о причинной связи, проведен анализ судебно-следственной практики. Однако в работе затрагиваются далеко не все вопросы одной из сложных уголовно-правовых проблем, какой является проблема причинности. Остается дискуссионным и авторское обоснование методологических основ установления причинной связи в уголовном праве, а именно выводы, что физическое понятие причинности представляет собой не что иное, как понятие синонимичное причинности, принятое философией; что причина — одно из необходимых условий независимо от того, какой вклад вносит в причинение; что наука уголовного права должна пользоваться исключительно диалектико-материалистическим понятием причинности.

Видится очевидным и то, что положения теории *conditio sine qua non*, поддержанные В. Б. Малининым, а позднее А. И. Плотниковым в его

докторской диссертации (М., 2012), требуют своего развития. Существует потребность в дальнейших исследованиях, ориентированных на определение необходимой и достаточной для обоснования уголовной ответственности связи между деянием и преступным результатом как отношения, складывающегося в объективной, материальной реальности. Или, говоря словами академика В. Н. Кудрявцева, остается актуальной задача найти объективные пределы ответственности человека[1].

Изложенное предопределило выбор темы диссертационного исследования, постановку соответствующих цели и задач, требующих в нем своего решения.

Объект исследования составляют причинность как явление объективной реальности и детерминируемые сущностью этого явления пределы ответственности человека.

Предметом исследования стали труды российских и зарубежных ученых, посвященные проблеме причинности и феномену общественной опасности преступных деяний; общепризнанные принципы и нормы международного права; положения Конституции Российской Федерации (далее — Конституция); уголовное законодательство РФ; нормы уголовного законодательства ряда зарубежных государств; положения федеральных законов и подзаконных нормативных актов РФ, отражающие механизмы причинения вреда при совершении преступлений; явления реальной действительности и их оценка в режиме выявления причинности в правоприменительной практике; данные официальной статистики и социологических исследований.

Цель исследования. При совершении любого преступления причиняется вред. Однако вопрос о причинной связи возникает лишь при совершении преступлений с материальным составом при игнорировании необходимости выявления момента причинения вреда при совершении преступлений с формальным составом. В связи с этим в работе поставлена цель предложить механизм устранения указанного противоречия между потребностью установления момента причинения по каждой криминальной ситуации и сложившейся практикой избирательного выявления этого момента, разработав цельную концепцию причинной связи в уголовном праве, не противоречащую философии этого вопроса и адекватную сложившейся системе понятий и институтов уголовного права.

Достижение названной цели обусловило постановку и решение круга следующих основных **задач**:

- исследовать философские, теоретические основы проблемы причинности;
- выявить соотношение детерминизма и причинности и их влияние на уголовное право;
- определить соотношение философского и уголовно-правового аспектов установления причинности;

[1] См.: *Кудрявцев В. Н.* Рецензия на монографию Малинина В. Б. Причинная связь в уголовном праве (СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 315 с.) // Правоведение. 2002. № 2. С. 254.

- изучить российское уголовное законодательство об определении уголовно-релевантной причинности и зарубежное уголовное законодательство в части законодательного определения понятия причинной связи;

- провести сравнительный анализ философских и уголовно-правовых теорий каузальности и определить признаки и критерии установления причинной связи;

- определить сущность и содержание причинной связи в уголовном праве;

- проанализировать нормы об ответственности за совершение преступлений с формальным и материальным составами и практику их применения;

- рассмотреть взаимосвязь причинной связи с понятиями и институтами уголовного права (уголовно-правовое деяние, общественно опасные последствия, вина, неоконченное преступление, соучастие в преступлении и т. д.);

- сформулировать правила выявления причинной связи при квалификации преступлений;

- внести научно обоснованные рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем разрешено обусловленное современным состоянием теоретико-методологических исследований проблемы причинности противоречие между потребностью в научно обоснованном и практически применимом выявлении момента причинения по каждой криминальной ситуации и сложившейся практикой избирательного выявления этого момента исключительно в преступлениях с материальным составом, что позволило впервые в науке уголовного права обосновать концепцию прямой (непосредственной) причинной связи как решение этой уголовно-правовой проблемы и достичь следующие отличающиеся научной новизной результаты:

а) согласовать философию вопроса о причинности с уголовно-правовыми представлениями о ней;

б) дать научное объяснение сложившейся правоприменительной практике толкования причинной связи;

в) выработать уголовно-правовую конструкцию причинной связи;

г) определить критерии причинной связи в преступлениях с материальным и формальным («беспоследственным») составами;

д) предложить научно обоснованный и практически применимый алгоритм уголовно-правовой оценки механизма причинения преступного вреда.

В результате проведенного исследования пересмотрены традиционные взгляды по ряду вопросов, а само решение научной проблемы причинности в уголовном праве предложено с новых позиций.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что предлагаемые в диссертации решения и выводы могут быть использованы при совершенствовании уголовного законодательства, в последующей разработке учения о причинности в уголовном праве, при подготовке разъяснений по практическому выявлению причинной связи при квалификации

по объективным признакам преступления, при решении вопроса установления причинной связи по конкретному уголовному делу. Результаты исследования могут быть использованы также в учебном процессе высших юридических учебных заведений при чтении курсов Общей и Особенной частей уголовного права, в системе повышения квалификации и переподготовки практических работников.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование осуществлено с использованием современной методологии научного познания. Основу исследования образовали категории и принципы диалектики, общенаучные (общелогический, аксиоматический, гипотетический, системный, структурно-функциональный, лингвистический) и специальные (нормативно-логический, историческо-правовой, сравнительно-правовой, аксиологический, конкретно-социологический, статистический и др.) методы научного познания.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной философии сложилось как минимум четыре решения вопроса о соотношении причинности и детерминизма: а) причинность, наряду с другими формами связи и обусловленности явлений (системная, корреляционная, функциональная, субстанциональная, вероятностная связи, связь состояний, детерминация условиями, поводом, целью и др.), как одна из категорий детерминизма; б) детерминизм и причинность как тождественные категории; в) детерминизм как форма последовательности событий или состояний материальных систем, а причинность как категория, выражающая определенный механизм связи между событиями и состояниями, образующими временные последовательности; г) детерминизм как разновидность причинной связи — жесткая однозначная причинность, в отличие от индетерминистической (статистической) причинности. Такая поливариативность решений не позволяет сформулировать критерии отграничения причинной связи от иных видов детерминационных связей на этапе установления юридически значимой причинной связи между уголовно-правовым поведением лица и наступившим общественно опасным результатом.

2. Философское и конкретно-научное знание автономны по отношению друг к другу. Философию интересует причинность в ее *категориальном, всеобщем* аспекте. Принципиальная особенность философского «взгляда» на категорию причинности состоит в том, что она рассматривается всегда «глазами» отдельно взятого конкретного философа-исследователя. В уголовном праве применяется понятие причинной связи, не противоречащее ее философскому определению. Не может быть какого-то особого юридического или уголовно-правового представления о причинной связи, отличающегося от принятого ее понимания в философии. Вместе с тем, поскольку причинность есть фундаментальное философское понятие и употребляется как форма мышления, философия никогда не предложит учения о причинности, которое можно было бы без дополнительной, специальной модификации непосредственно использовать в конкретных отраслях научного знания, в том числе и в уголовном праве.

3. Уголовно-правовая наука путем дополнительной, специальной модификации философской категории каузальности создает *учение* о феномене *юридически значимой* причинной связи и в этом не совпадает с естественнонаучным, психологическим, криминалистическим и другими учениями о причинности. Под учением о причинной связи в уголовном праве предлагается понимать органически целостную, непротиворечивую систему знаний относительно сущностных свойств механизма причинения преступлением общественно опасного вреда и закономерных связей между деянием лица и общественно опасными последствиями. Эту систему знаний отличают строгая доказательность, обоснованность результатов, достоверность выводов, принципиальная возможность их эмпирической проверки другими исследователями.

4. Причинность как вид закономерной связи есть конкретное отношение причинения (т. е. связь причины и следствия, причинная связь), характеризующееся односторонне направленным во времени и пространственно непрерывным взаимодействием составляющих причины, генерирующих однородные по содержанию (общественной опасности) последствия.

5. В зависимости от сферы приложения категории причинности выделяются следующие виды причинных зависимостей, имеющие уголовно-правовое значение:

- причинность уголовного закона и поведения субъектов уголовной ответственности;
- причинность преступного деяния и общественно опасных последствий (в том числе причинность неоконченного преступления, соучастия в преступлении и др.);
- причинность посткриминального (правомерного или неправомерного) поведения и уголовно-правовых последствий;
- причинность общих и специальных начал назначения наказания и конкретной меры наказания, причинность избрания иных мер уголовно-правового характера (в смысле ч. 2 ст. 2 УК);
- иные виды причинности (например, причинность отставания психически здорового подростка в развитии от сверстников и др.).

6. Рассматривая *в целом* историю проблемы причинной связи в уголовном праве с учетом оригинальных подходов к решению проблемы, можно выделить три относительно самостоятельных этапа. Первый этап, который охватывает период с момента опубликования первой редакции монографии Н. С. Таганцева, посвященной преступлениям против жизни (1870 г.), и до момента издания учебника по Общей части уголовного права (1938 г.). Второй этап, начало которого связано с опубликованием указанного учебника, где А. А. Пионтковский излагает положения теории «необходимого причинения», завершается доктринальными исследованиями проблемы причинной связи в период действия УК РСФСР 1960 г. и непосредственно связан с развитием уголовно-правовой науки советского периода, разрешающей проблему с привлечением категорий диалектического материализма. Третий этап

выделяется в связи с принятием УК 1996 г., появлением новых видов уголовно-правового поведения, обновлением теоретико-методологической основы проблемы причинности.

7. Уголовно-правовые теории причинности («необходимого условия», «адекватной» причинности, «необходимого причинения», «неравноценности условий» и т. п.) хотя и предлагают известное философское обоснование понятию причинной связи, но остаются в основном не воспринятыми правоприменительной практикой в том смысле, что не используются при мотивировке принимаемых решений. В материалах уголовных дел формулируется вывод о наличии или отсутствии причинной связи, но не приводятся признаки, по которым происходит ее установление, за исключением признаков «непосредственной», «прямой» связи (25 % уголовных дел). В остальных случаях (75 % уголовных дел) ситуация разрешается правоприменителем интуитивно, без аргументации, казуистически.

8. При рассмотрении по уголовному делу вопроса о причинной связи используется *обыденное представление* о деянии лица как причине и общественно опасных последствиях как результате этой причины. Как оценка, не обладающая статусом научно обоснованного заключения, такой прием является необходимым, но *недостаточным* для формулирования состоятельного в научном отношении вывода при квалификации по признакам, характеризующим объективную сторону преступления.

9. Использование метода *conditio sine qua non* (гипотетического элиминирования) и иных логических операций дает вероятностное заключение о наличии или отсутствии казуальной зависимости и служит базой для дальнейшего исследования причинной связи в уголовном праве.

10. В основе представления о причинности лежит принцип искусственного изолирования причины и следствия, определяемого целями и задачами, которые ставит перед собой исследователь. Именно целевая установка позволяет рассматривать преступное деяние лица в качестве причины, негативные изменения в объектах уголовно-правовой охраны оценивать как следствие, а другие факторы — как условия. Различия между причиной и условиями имеют не абсолютный, а относительный характер и малопродуктивны в деле выявления юридически значимой причинной связи.

11. В уголовном праве задачи определения причины и определения деяния лица, состоящего в юридически значимой причинной связи, должны различаться. Квалификация преступления по признаку причинной связи состоит в установлении того, что действие (бездействие) лица находится в причинной связи с наступившими общественно опасными последствиями. Эту задачу нередко подменяют иной — необходимостью определения деяния лица как причины общественно опасных последствий. Поскольку причина однородна по содержанию общественно опасным последствиям, причину в уголовно-правовом смысле может образовывать деяние лица, которое во взаимодействии с иными необходимыми условиями генерирует вредный результат.

12. Уголовно-правовую конструкцию причинной связи, исходя из выделяемых философией качественных, отличающих именно этот вид связи свойств (черт), необходимо рассматривать как состоящую из бинарного отношения двух компонентов: а) системной причины, единственной либо одной из составляющих которой выступает деяние человека; б) общественно опасных последствий.

Механизм причинения вреда представляет собой не линейный, а структурно сложный процесс взаимодействия составляющих системную причину.

13. Самостоятельное уголовно-правовое значение имеют каждый из уровней проявления компонентов причинной связи в объективной реальности: а) физический уровень — в первичной, предметной реальности в форме материального взаимодействия вещей, процессов, явлений; б) социальный уровень — во вторичной реальности в виде разрыва общественных отношений; в) правовой уровень — во вторичной реальности как нарушение правопорядка.

14. В современной уголовно-правовой доктрине по проблеме причинности исключительное значение придается проявлению причинной связи на физическом (вещно-событийном) уровне. При квалификации по объективным признакам состава преступления, кроме того, должен учитываться социальный уровень причинения — механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, а также правовой уровень причинения с учетом различий моментов фактического и юридического окончания преступления.

15. Преступления с формальным («беспоследственным») составом неоднородны и отличаются следующим: а) одни преступления, не оставляя процессуально фиксируемого следа на физическом (фактическом, вещно-событийном) уровне, оставляют такой след при причинении вреда на социальном и правовом уровнях либо исключительно на правовом уровне; б) последствия другой группы преступлений слиты на физическом уровне с действием (бездействием) лица, наступают одновременно с их совершением.

16. Уголовно-правовая специфика преступного деяния заключается не столько в изменениях, производимых на физическом уровне (в материальном, вещно-событийном мире), сколько на социальном и правовом уровнях. Поэтому нет существенных различий между действием и бездействием как формами преступного поведения.

17. На основании проведенного исследования сформулирован ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства. В частности, предложено дополнить законодательную регламентацию основания уголовной ответственности (ст. 8 УК) положением следующего содержания: «*Лицо подлежит уголовной ответственности только за те предусмотренные настоящим Кодексом деяния, которые создают опасность причинения вреда или причиняют вред личности, обществу или государству*».

18. Требуют дополнения указанием на содержательное выявление причинной связи те постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые касаются вопросов квалификации преступлений с материальным составом.

Предлагается п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (в ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» изложить в следующей редакции: «*При решении вопроса о виновности лица в нарушении правил пожарной безопасности, повлекшем наступление последствий, предусмотренных статьей 219 УК РФ, судам необходимо выяснять, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо невыполнение данных правил, выступило ли оно необходимым условием причинения наступивших последствий, создавало ли допущенное нарушение опасность причинения вреда, предусмотренного статьей 219 УК РФ, и указывать на это в приговоре со ссылкой на конкретные пункты правил пожарной безопасности, которые были нарушены*». Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» предлагается изложить в следующей редакции: «*Обратить внимание судов на то, что при исследовании причин создавшейся аварийной обстановки необходимо установить, какие пункты правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств нарушены и какие нарушения явились необходимым условием создания опасной ситуации и находятся в причинной связи с наступившими последствиями, предусмотренными статьей 264 УК РФ. В тех случаях, когда нарушения правил дорожного движения были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное ими влечет уголовную ответственность по статье 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством явились необходимым условием создания опасной ситуации и находятся в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названной статье УК РФ*».

Степень достоверности сформулированных в диссертации положений и выводов обеспечивается анализом нормативно-правовых источников, трудов дореволюционного и современного периода по отечественному уголовному праву и уголовному праву зарубежных государств, криминалистике, криминологии, гражданскому праву, общей теории права, по уголовно-процессуальному, административному праву, философии, логике, социологии (всего 585 источников) и репрезентативной эмпирической базой исследования.

В частности, использованы сравнения авторских данных и данных, полученных ранее в работах:

- специально посвященных исследованию проблемы причинности в уголовном праве (труды С. Р. Багирова, П. Т. Васькова, М. С. Гринберга, П. С. Дагеля, Г. А. Есакова, Я. М. Злоченко, Е. А. Ишутина, М. И. Ковалева, И. Я. Козаченко, А. П. Козлова, А. Ю. Кошелевой, Н. Ф. Кузнецовой, В. Н. Кудрявцева, В. Н. Курченко, В. Б. Малинина, А. А. Музыки, А. В. Наумова, Э. Ф. Побегайло, А. И. Плотникова, Т. Л. Сергеевой, Н. Д. Сергеевского, А. А. Тер-Акопова, Г. В. Тимейко, М. Г. Угрехелидзе,

В. Д. Филимонова, Т. В. Церетели, А. И. Чучаева, М. Д. Шаргородского, Н. Н. Ярмыш и др.);

- посвященных учению о преступлении и составе преступления, вопросам квалификации преступлений по объективным признакам (работы А. А. Арутюнова, Е. В. Благова, Я. М. Брайнина, А. И. Бойко, И. Я. Гонтаря, Н. Д. Дурманова, Л. В. Иногамовой-Хегай, М. П. Карпушина, В. М. Когана, В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, А. В. Корнеевой, Ю. А. Красикова, В. И. Курляндского, В. В. Лунеева, Т. И. Нагаевой, Н. И. Пикурова, А. А. Пионтковского, В. С. Прохорова, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Рарога, Н. С. Таганцева, А. А. Толкаченко, А. Н. Трайнина, О. Ф. Шишова, В. Ф. Щепелькова и др.);

- в том числе направленных на раскрытие механизма причинения криминального вреда (исследования Ю. М. Антоняна, М. М. Бабаева, В. Н. Винокурова, В. К. Глистина, М. А. Гельфера, Ю. В. Голика, А. И. Долговой, А. Э. Жалинского, Э. Н. Жевлакова, Н. И. Загородникова, И. Э. Звечаровского, С. В. Землюкова, С. М. Кочои, Н. Г. Иванова, А. Н. Игнатова, Е. И. Каиржанова, Н. И. Коржанского, Г. А. Кригера, Ю. И. Ляпунова, М. Д. Лысова, В. П. Малкова, В. В. Мальцева, А. И. Марцева, А. С. Михлина, Т. И. Нагаевой, В. А. Нерсесяна, Б. С. Никифорова, Г. П. Новоселова, В. А. Номоконова, С. П. Новосельцева, Т. Г. Понятовской, И. М. Тяжковой, В. Е. Эминова, П. С. Яни, Б. В. Яцеленко, В. А. Якушина и др.);

- посвященных смежным с уголовно-правовой проблемам причинности (труды В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина, В. А. Образцова, З. М. Соколовского, В. Д. Корма, Ю. Г. Корухова, Н. С. Романова и др.).

Теоретические данные, полученные автором, базируются на материалах опубликованной и неопубликованной правоприменительной практики, результатах проведенных автором социологических исследований, статистических данных МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Росстата и других официальных органов, в частности:

1) проанализированной автором опубликованной за период с 1957 по 2013 г. судебной практике Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации;

2) изученных и обобщенных автором материалах уголовных дел, находившихся в период с 1998 по 2008 г. в производстве судов и прокуратур Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, в период с 2006 по 2012 г. — в производстве судов и прокуратур города Москвы и Московской области. Материалы получены по запросам Иркутского института повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ и Академии Генеральной прокуратуры РФ в адрес прокуроров субъектов РФ и приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур. Кроме того, использованы материалы и сведения, полученные от практических работников при проведении автором занятий по повышению их квалификации, а также тексты судебных актов, размещенные на официальных сайтах судов РФ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В целом

исследованы материалы 3 356 уголовных дел (о посягательствах на жизнь и здоровье человека, на конституционные права и свободы человека и гражданина, в сфере экономической деятельности, на общественную безопасность и здоровье населения, на интересы службы).

3) данных, полученных автором в ходе разработанного им анкетирования, в результате которого опрошено 627 практических работников (Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан), 182 преподавателя и научных сотрудника (специалистов и экспертов в области уголовного права).

Сбор и обработка эмпирических данных, положенных в основу исследования, осуществлялись в течение 16 лет (1998–2013 гг.).

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» и обсуждена на кафедре уголовного права. Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в 55 научных работах, в том числе в 27 научных статьях и двух рецензиях, опубликованных в установленном ВАК России перечне ведущих научных журналов, трех монографиях, восьми учебных и учебно-практических пособиях.

Результаты исследования начиная с 1998 г. прошли апробацию в лекционных курсах, практических занятиях, выездных семинарах, прочитанных и проведенных автором с работниками правоприменительных органов (при повышении квалификации прокурорских работников, сотрудников ФССП России и ФСКН России) и со студентами в Иркутском государственном университете, Академии Генеральной прокуратуры РФ, Российской правовой академии Минюста России, Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

По проблематике исследования автор принимал участие в работе Четвертых Кудрявцевских чтений (2011 г.), международных научно-практических конференций, проведенных в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (2004, 2008, 2014 гг.), в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (2005, 2013, 2014 гг.), в Бурятском государственном университете (2008 г.), всероссийских научно-практических конференций, проведенных в Российской правовой академии Минюста России (2006, 2007 гг.), в Восточно-Сибирском юридическом институте МВД России (2005 г.), ряда региональных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, проведенных в период с 1998 по 2014 гг. в Академии Генеральной прокуратуры РФ, Российской правовой академии Минюста России, Иркутском государственном университете.

Структура работы обусловлена целью и задачами диссертационного исследования и состоит из введения, пяти глав, включающих 13 параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее разработанности в науке уголовного права, определены объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, показывается научная новизна исследования, приводятся сведения о теоретической и практической значимости работы, раскрывается методология и методы исследования, формулируются выносимые на защиту положения, объясняется степень достоверности сформулированных в диссертации положений и выводов, эмпирическая основа работы, приведены данные об апробации полученных результатов, показана структура диссертации.

В **главе первой** «Теоретические основы причинности в уголовном праве» уделено внимание философскому понятию причинности, уголовно-правовым конструкциям причинной связи, на основе которых с учетом изученной судебной и следственной практики, результатов опроса специалистов и экспертов в области уголовного права сформулированы теоретические основы уголовно-правового учения о причинности.

В *первом параграфе* «Причина и следствие, причинная связь в обыденном, философском и научном познании» раскрывается смысл понятий причинности, причины / следствия и причинной связи.

Слово «причина» включает приставку *при-* и этимологически связано со словами «чин», «чинить» (др.-рус. *чинити* — «устраивать, производить, делать, совершать, поступать»). Слово «следствие» имеет два значения: 1) то, что следует, вытекает из чего-нибудь, результат чего-нибудь, вывод; 2) выяснение, расследование обстоятельств, собирание и проверка данных, связанных с преступлением. Происхождение этих слов связано с корнем *-след-* (как самостоятельное слово, оно обозначает отпечаток, остаток или сохраняющийся признак чего-нибудь и т. п.). Это характерные слова обыденного языка. А вот другое слово — «причинность» воспринимается в русском языке не иначе как философское, научное понятие. Причинность (каузальность, лат. *causa* — «причина») — это категория философии, которая служит для обозначения необходимой, порождающей связи двух явлений, из которых одно (называемое причиной) генерирует наступление другого (называемого следствием или действием).

Причинность обозначает внутреннюю связь между тем, что уже есть, и тем, что им порождается, что еще только становится (А. И. Чучаев). Причинность отражает динамику становления, а причинная связь, скорее, статику, генетическую связь отношения порождения.

Рассмотрен крайне полемичный вопрос о соотношении обыденного, философского и «уголовно-правового» в понимании причинности.

По результатам изучения судебной практики и мнений практических работников сделан вывод, что фактически в уголовном праве используется причина в условном, житейском смысле. Так, 45 % респондентов, которые в своей работе интерпретируют уголовно-правовую причинность, на вопрос,

испытывали ли они сложности при применении положений уголовно-правовой доктрины по проблеме причинности, ответили: «Да, сложности возникали»; 34 % опрошенных дали отрицательный ответ; 21 % анкетируемых указали на то, что положений уголовно-правовой доктрины вообще не использовали. Вместе с тем, отвечая на контрольный вопрос: «Назовите теории причинной связи (авторов концепций), которые Вы использовали или считаете необходимым использовать при квалификации преступления», 98 % опрошенных из числа практических работников затруднились дать ответ. Оставшиеся 2 % респондентов, называя теории причинной связи, перечисляли следующие: «главной причины», «следственная теория», «метод банальной эрудиции», «внутреннего убеждения» и др.

При анализе указанного вопроса сформулирован и другой вывод: об автономности, несводимости друг к другу философского и конкретно-научного знания. Причинность интересует философию в ее *категориальном, всеобщем аспекте*. Из этого следует, что уголовно-правовая наука на основе философского понятия причинности путем дополнительной, специальной модификации создает оригинальное учение об этом феномене в «системе координат» уголовного права.

Во *втором параграфе* «Философские концепции причинности» отмечается специфичность подхода к уяснению проблемы причинности. Исследование истории этой проблемы вовсе не означает анализа линейного развертывания стадий, которые свидетельствовали бы о поэтапном появлении, развитии, становлении учения о причинности. Конкретное философское учение — а это всегда авторский взгляд мыслителя на проблему — может представлять теоретико-методологическую ценность вне зависимости от времени ее создания.

Философская категория причинности обладает высокой степенью научного обобщения, а потому дуалистична в том смысле, что отражает знание о причинной обусловленности явлений, процессов и представляет форму мыслительной деятельности, посредством которой уясняется эта связь. Категория причинной связи образует теоретико-методологическую основу решения вопроса о причинной связи в уголовном праве при последующем учете уголовно-правовой специфики: особенностей преступного деяния и общественно опасных последствий, механизма взаимодействия этих компонентов причинной связи.

По мнению диссертанта, причинность как вид закономерной связи есть конкретное отношение причинения, характеризующееся односторонне направленным во времени и пространственно непрерывным взаимодействием составляющих причины генерирующих однородные по содержанию последствия. В уголовном праве причинность должна рассматриваться как бинарная связь системной причины, одним из необходимых условий которой выступает деяние лица, и следствия в виде негативных изменений в объекте преступления. Механизм причинения вреда в уголовном праве представляет собой не линейный, а структурно сложный процесс взаимодействия составляющих системной причины.

При формулировании методологических требований к характеристике связи между двумя компонентами для признания одного из них «причиной», а другого «следствием» в значении слов «причина» и «следствие», принятом в естественном языке, нужно различать вещный мир, представление о котором достигается чувственным восприятием, и понятийный мир, познаваемый абстрактным мышлением. Соответственно, следует решать две самостоятельные задачи: а) выявлять причинность в вещно-событийном мире (вещественную, энергетическую, информационную причинность); б) исследовать причинность с учетом уголовно-правовых требований к ней.

В *третьем параграфе* «Уголовно-правовые концепции причинности» исследована история проблемы причинности в отечественном и зарубежном уголовном праве, ее современное состояние. Обращается внимание на ряд, по мнению диссертанта, принципиальных обстоятельств, игнорирование которых или искаженное представление о которых «тормозит» развитие учения о причинной связи в уголовном праве.

Наше представление о причинности основано на применении принципа искусственного изолирования причины и следствия. Выбор компонентов причинной связи во многом определяется теми целью и задачами, которые ставит перед собой исследователь. Именно целевая установка позволяет преступное деяние лица рассматривать в качестве причины, а негативные изменения в объектах уголовно-правовой охраны оценивать как следствие. Другие факторы, соответственно, признаются условиями. Различия между ними имеют не абсолютный, а *относительный* характер. Как только меняется целевая установка — меняются местами причины и условия.

Теория *conditio sine qua non* не учитывает онтологический статус причинной связи, ее характеристики как генетической связи между двумя явлениями действительности. Поэтому само по себе применение метода мысленного исключения, т. е. рассмотрение причинной связи исключительно как логического вопроса, приводит к получению не более чем *предположения*, но не безусловно достоверного знания о каузальной зависимости в окружающем мире. Высказываемая в уголовно-правовой доктрине критика теории *conditio sine qua non* сводится к положению об эквивалентности условий, предполагающей ответственность за весьма отдаленные последствия совершенного лицом деяния. Однако эта критика не достигает цели, поскольку из положений теории не следует вывод, что необходимые условия не различаются между собой по удельному весу причиняющего вклада в наступление преступного результата. Теория оказывается не завершена именно потому, что не предлагает разрешения степеней причинения, которыми отличаются необходимые условия.

Теория адекватной причинности впервые провела различия между предметной (фактической) и уголовно-правовой оценками механизма причинения вреда. Разрешение вопроса о наличии или отсутствии причинной связи сводится к субъективному пониманию исследователем характера взаимозависимостей. И поскольку криминалист дает причинное объяснение уже произошедших событий, постольку он вынужден обращаться к

«всеобщему опыту» и таким образом строить свои предположения. Только путем сопоставления фактов конкретного дела и знания предшествующей правоприменительной практики, т. е. заключения о типичности, закономерности произошедшего, возможны рассуждения о степени вероятности наступления (степени причинения) вредных последствий. Иначе, при ограничении любого исследования только конкретными фактами (заметим, уже наступившими) вывод будет очевиден: течение событий и наступление вредных последствий является неизбежным. Эта теория методологически уязвима в связи с весьма неконкретными, «размытыми» критериями, которые предлагаются практическим работникам для окончательного решения вопроса о причинной связи. Концепция «необходимого причинения» является отечественным аналогом теории адекватной причинности со всеми присущими этой теории уязвимыми для критики положениями.

Разбор теории адекватной причинности и современных ее интерпретаций позволяет прийти к гипотезе о том, что не имеют уголовно-правового значения методологические позиции исследователя по следующим «вечным» проблемам философии: материализм и идеализм, бытие и мышление, объективность и субъективность познания.

Предпринятые попытки теоретического обоснования выявления причинной связи нельзя признать непродуктивными, но их нельзя признать и успешными в том смысле, что они предлагают практическому работнику эффективный методологический инструмент исследования социально-правовых явлений.

В 25 % уголовных дел, материалы которых опубликованы как своеобразные судебные прецеденты по выявлению причинной связи, использован критерий «непосредственной», «прямой» причинной связи. В остальных случаях ситуация разрешалась судьей (судом) интуитивно, без аргументации, казуистически, что подчеркивает актуальность задачи адаптации философской категории причинности к особенностям уголовно-правовой причины и следствия и специфическому механизму их взаимодействия. Между тем теория прямой, непосредственной причины не получила распространения в отечественной правовой науке. Существующая ее интерпретация, согласно которой юридически значимой причиной выступает только то деяние, которое непосредственно предшествует общественно опасному последствию, не выдерживает критики, поскольку подобный подход зачастую является чрезмерно упрощенным.

Глава вторая «Методологические основы причинности в уголовном праве» представляет собой анализ перспективных идей, взглядов, воззрений, высказанных в научной литературе и направленных на обновление методологической основы проблемы причинной связи в философии и в уголовном праве. Не секрет, что в последнее время интерес к проблеме причинности в философской литературе в целом снизился. На первое место выходят вопросы синергетики, исследования спонтанно происходящих процессов, детерминированного хаоса и пр., заставляющие пересмотреть положения о причинности, ставшие уже «традиционными» в уголовно-

правовой науке. Нужно отдавать себе отчет и в том, что представления отечественных криминалистов постепенно складывались на фоне идеологии признания единственной научно состоятельной марксистско-ленинской теории причинной связи, применяемой нередко в спорах в качестве самостоятельного аргумента. Обращает на себя внимание противоречивость понятия «диалектический детерминизм», поскольку сам термин «детерминизм», претендующий на возведение детерминации в принцип, исключает признание объективной неопределенностей связей.

В *первом параграфе* «Соотношение причинности и детерминизма» диссертантом отмечена распространенная точка зрения, что указанный в названии параграфа вопрос в своем развитии прошел три этапа и на каждом из них решался по-разному. На первом этапе детерминизм понимался как учение об однозначной причинности, на втором — об однозначной и неоднозначной причинности, а на третьем — о разнообразных видах зависимостей предметов и явлений. Именно в таком виде в основном эта позиция перенесена в уголовное право и получила достаточно широкое на сегодня распространение.

Однако даже беглый обзор литературы, где специально рассматривается проблема причинной связи, обнаруживает принципиально различающиеся позиции авторов о соотношении причинности и детерминизма. На основе изучения специальной литературы сделан общий вывод о поливариативности современной философии в вопросе о соотношении детерминизма и причинности. В связи с этим трудно сформулировать на философском уровне ясные и точные критерии отграничения причинной связи от иных видов детерминационных связей. Поэтому нужно проявлять известную осторожность в использовании смежных с каузальностью категорий, знание которых дает, по утверждениям многих исследователей, более полную, якобы адекватную картину взаимодействия исследуемых явлений (процессов).

Логичным продолжением позиции соотношения причинности и детерминизма как частного и более общего случая взаимосвязи явлений, процессов служит утверждение о различиях между причинной и иными видами связи (обусловливания, кондициональной, функциональной связей, системной детерминации и т. п.). Но поскольку сам вопрос о соотношении причинности и детерминизма в своей основе дискуссионен, то относительно и отграничение причинной связи от иных видов детерминирующих связей, а значит, требует дополнительной проверки до ее практического внедрения.

По мнению диссертанта, уголовно-правовое значение при квалификации преступления по объективным признакам продолжает иметь только причинная связь. Объективное основание уголовной ответственности образует совершение лицом деяния, которое *причинило* вменяемый ему преступный вред.

Во *втором параграфе* «Проблема причинности и состав преступления» исследуется история отражения причинности в конструкции состава преступления. Рассмотрена классификация составов преступлений на формальные и материальные, которая появилась в связи с процессуальными различиями актов общественно опасного посягательства. По своим результатам, в зависимости от наличия или отсутствия во внешнем мире

вещественных следов, выделялись два вида преступления: *delicta facti permanentis* — преступления, оставляющие после себя следы (например, убийство, поджог, подлог), и *delicta facti transentis* — преступления, не оставляющие после себя следов (например, клевета). В современный период, как известно, это деление имеет значение в материальном праве, находит отражение в уголовно-правовой доктрине многих государств и объясняется потребностями упрощения процессуальной деятельности по фиксированию фактических данных, свидетельствующих о материальных изменениях, произведенных лицом, совершившим преступление.

Доказывается, что отказ от понятия «формальное преступление» вовсе не вывело это явление из уголовно-правового оборота, поскольку формальное преступление, имея в виду двойственную природу состава преступления как реального явления и законодательной модели, можно рассматривать как понятие синонимичное феномену преступления с формальным составом.

Конструкция формальных составов преступлений вызывает следующие нарекания.

Во-первых, положения уголовного закона, устанавливающие основания уголовной ответственности, уголовно-правовые последствия совершения общественно опасных деяний должны соответствовать требованиям ст. 55 Конституции о возможности ограничения федеральным законом прав и свобод личности только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При применении мер уголовной ответственности недопустимо использование средств уголовного закона для необоснованного (несоразмерного, избыточного) ограничения прав и свобод. Причинная связь должна определяться через ясные и недвусмысленные критерии в целях исключения произвольного толкования объективной стороны преступления: если в конкретной ситуации предусмотренное уголовным законом деяние совершено, однако объект уголовно-правовой охраны не пострадал или не был поставлен под реальную угрозу причинения вреда, то уголовная ответственность должна исключаться в связи с отсутствием основания уголовной ответственности.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации характер и размер причиненного вреда отнесен к обстоятельствам, подлежащим доказыванию в обязательном порядке. Требование обязательного установления характера и размера причиненного вреда имеет и уголовно-правовое значение: а) при квалификации содеянного согласно сложившейся традиции причиненный вред учитывается в качестве основного (необходимого) признака состава соответствующего преступления; б) при назначении наказания характер и размер причиненного вреда определяет тяжесть содеянного и может учитываться как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание; в) при реализации задачи частной превенции установление характера и размера причиненного вреда лежит в основе порицания лица, совершившего преступление, и для целей предупреждения им повторного причинения

подобного вреда позволяет объяснить ему, за что, за причинение какого вреда он подвергается уголовной ответственности.

В-третьих, сложившаяся правоприменительная практика не согласуется с требованием, отраженным в известном латинском юридическом изречении *iniuria non praesumitur* («вред (беззаконие) не презюмируется»).

Невозможность точного измерения причиненного вреда вовсе не освобождает правоприменителя от оценки факта создания деянием лица реальной угрозы причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, раскрытия механизма причинения вреда охраняемым объектам на социальном и правовом уровнях.

В *третьем параграфе* «Виды и уровни причинности в уголовном праве» диссертант исходит из того, что методологическое значение причинности заключается в том, что эта категория позволяет реализовать стремление исследователя получить достоверное знание о причинах исследуемых событий, явлений, процессов и иметь возможность прогнозировать их развитие.

Если ранее в представлениях о причинности превалировал энергетический, силовой аспект, то сейчас собственное место уверенно занимает информационный аспект. Любая социальная система характеризуется наличием элементов, функционирующих исключительно благодаря действующей в этой системе информации, причем так, что информация, которая может быть создана или воспринята кем-то (осознана), *непосредственно* приводит к физическим событиям. Диссертант рассмотрел философскую проблему самоорганизации, определяющей развитие системы, в процессе которой не появляются новые физические, химические, иные элементы, но происходит новая организация системы, новая организация элементов ее структуры. Этот путь зависит от случайных обстоятельств, складывающихся в окрестностях точки бифуркации. Поэтому с полной достоверностью предсказать, по какому пути пойдет поведение системы после этой точки, практически невозможно. Но когда определенный путь будет выбран, тогда дальнейшее движение системы подчиняется уже детерминистическим законам. И на этом этапе не приходится сомневаться в научной состоятельности каузального анализа, позволяющего вскрывать с учетом имеющегося уровня проникновения в суть происходящего действительные отношения событий, явлений, процессов, различные формы их взаимозависимости.

По мнению автора, в уголовном праве причинность может быть рассмотрена на нескольких уровнях:

1) на уровне *формальной* (формообразующей) причины, выражающей сущность, «идеи», качество вещи. Сущность уголовно-правовой причинности прямо противоположна форме, идеальному первообразу, той сути бытия, которой должна отвечать правовая реальность. В этом смысле совершение преступления означает очевидное отступление от оптимального правопорядка, идеальной модели человеческого общежития, показывает разрыв связей модели правопорядка. Именно причинение общественно опасных последствий как отклонение от идеальных моделей, образцов должного поведения делает возможным определять содеянное как преступление;

2) на уровне *материальной* причины, которая в структуре уголовно-правовой причинности есть социально-природная реальность, жизнь отдельного человека и сообщества людей, их природная, физико-биологическая основа существования с присущими отношениями и связями хаотичности, неупорядоченности и противоречиями;

3) на уровне *производящей*, или действующей (деятельной), причины, показывающей отношения материи и формы в движении, когда благодаря форме материя из состояния возможности переходит в состояние действительности. В уголовном праве производящая причина может быть выражена в нескольких аспектах, и в этом отношении можно говорить о нескольких производящих причинах.

Во-первых, это правотворческий труд, связанный с планированием работы по совершенствованию уголовного законодательства, и собственно правотворческая работа по подготовке и созданию уголовно-правовых норм и институтов, проводимая в рамках криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации.

Во-вторых, это деятельность адресатов уголовного закона по усвоению, соблюдению и исполнению требований уголовно-правовых норм с учетом того, что регламентация правил поведения в сфере уголовно-правового регулирования осуществляется не только посредством запретов, но и дозволений, и поощрений.

В-третьих, это практическая деятельность человека, использующего каузальный закон для изменения природной и социальной реальности под собственные нужды и вопреки (основание негативной уголовной ответственности) либо благодаря (основание позитивной уголовной ответственности) требованиям уголовного закона. Этот вид деятельной причины традиционно рассматривается в уголовном праве едва ли не как единственный достойный внимания;

4) на уровне *целевой* (конечной) причины, состоящей в том, для или ради чего существует уголовное право («возможно большее счастье для возможно большего числа людей» (Ч. Беккариа), «общественные отношения, позволяющие человеку жить по-человечески и ощущать себя человеком» (И. Я. Козаченко)).

В зависимости от сферы приложения диссертант выделяет следующие виды причинных зависимостей, имеющие уголовно-правовое значение:

- причинность уголовного закона и поведения субъектов уголовной ответственности;
- причинность преступного деяния и общественно опасных последствий (в том числе причинность преступления с формальным составом, неоконченного преступления, соучастия в преступлении и др.);
- причинность посткриминального (правомерного или неправомерного) поведения и уголовно-правовых последствий;
- причинность общих и специальных начал назначения наказания и конкретной меры наказания, причинность избрания иных мер уголовно-правового характера (в смысле ч. 2 ст. 2 УК);

- иные виды причинности (например, причинность отставания психически здорового подростка в развитии от сверстников и др.).

Глава третья «Системная причина в структуре уголовно-правовой причинности» основана на той идее, что для решения задачи учета в уголовном праве всего круга общественно опасных последствий и механизмов их причинения необходимо прежде всего подвергнуть обстоятельному анализу компоненты причинной связи: преступное деяние и общественно опасные последствия. Причина обычно имеет характер системного целого, возникшего в результате сложения элементов (условий). В этом значении причину нельзя во всех без исключения случаях сводить только к действию (бездействию) человека: это причина иного уровня, которая включает как составляющую деяние лица.

В *первом параграфе* «Преступное деяние как составляющая причинности» диссертант отмечает, что в действующем УК не содержится определения понятий «общественно опасное деяние», «преступное деяние», не дается законодательного определения и такому термину, как «деяние», хотя само слово «деяние» употребляется законодателем весьма часто (445 упоминаний).

В УК термин «деяние» используется в нескольких значениях.

Во-первых, данный термин употребляется как слово, определяющее правомерное поведение человека. В этом значении деяние может употребляться при оценке следующих регламентированных уголовным законом ситуаций:

а) в гл. 8 УК говорится о деяниях, преступность которых исключается в силу особых обстоятельств. Слово «деяние» используется в названии самой главы, а непосредственно в статьях этой главы в качестве синонима «деяние» используется оборот «причинение вреда»;

б) уголовный закон различает фактически совершенное деяние при добровольном отказе лица от преступления (ст. 31 УК). Это деяние может быть неоднородным по своему содержанию, а потому влечь различные правовые последствия. Например, согласно ч. 3 ст. 31 УК «лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им *деяние* содержит иной состав преступления»;

в) под уголовно-правовым деянием, т. е. деянием, имеющим уголовно-правовое значение, влекущим юридически значимые последствия, сопряженные с изменением уголовно-правового статуса лица, нужно понимать также и все виды посткриминального поведения, т. е. поведения лица после совершения преступления, осуществляемого в рамках и в связи с реализацией охранительного уголовного правоотношения (И. Э. Звечаровский).

Во-вторых, в ч. 2 ст. 2 УК сформулировано положение о том, что УК определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Речь идет о той ситуации, когда уголовный закон признает известное значение за опасными деяниями, которые еще не получили уголовно-правовой оценки, но обладают необходимыми и достаточными свойствами преступления. Другими словами, под уголовно-правовым деянием нужно понимать и такое опасное деяние, свойства которого побуждают

законодателя к его криминализации. Это деяние может быть криминализовано, но может и не получить соответствующей политической оценки. Исследование деяния в указанном значении проводится в аспекте проблемы причинности уголовного закона и поведения субъектов уголовной ответственности.

В-третьих, термин «деяние» используется как синоним преступного поведения человека в его психофизическом единстве. Это значение деяния используется в ст. 8 УК при определении основания уголовной ответственности — совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. При формулировании составов с отягчающими и особо отягчающими обстоятельствами в нормах Особенной части УК слова «те же деяния» также обозначают преступное поведение указанного вида в единстве его объективных и субъективных признаков.

В-четвертых, слово «деяние» употребляется как понятие, характеризующее содеянное лишь с внешней его стороны и включающее в себя действие (бездействие) и причиняемые ими общественно опасные последствия. Это то значение слова, которое охватывается понятием «посягательство». В этом значении деяние используется, в частности, для целей раскрытия форм вины, невменяемости. Так, согласно ст. 24 УК виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Согласно ст. 21 УК не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости.

В-пятых, термин «деяние» используется как синоним понятий «действие» и «бездействие», а точнее, как родовое понятие, объединяющие все формы проявления человеческой активности в социальной и правовой, а также (что чаще всего воспринимается исследователями) в физической плоскости, причинно связанные с общественно опасными последствиями. Об этом идет речь в статьях уголовного закона о принципах уголовного права, действии уголовного закона во времени.

Деяние лица, оставаясь, по сути, актом общественно опасного, запрещенного УК посягательства, в объективной реальности проявляется по-разному, а значит, на доктринальном уровне может быть облечено в разные формы: традиционные (действие и бездействие) и иные (нарушение специальных правил поведения (А. А. Тер-Акопов), преступная деятельность (А. И. Долгова, В. А. Номоконов, В. Б. Малинин) и др.). В связи с этим нужно подчеркнуть, что форма преступного деяния не играет роли определяющего показателя в структуре уголовно-правовой причинности.

Во *втором параграфе* «Причинность и общественная опасность преступного деяния» диссертант исходит из того, что способность человека предотвращать общественно опасные последствия, влиять на развитие определенных физических и социальных процессов лежит в основе идеи об уголовно-правовой причинности. Установление причинной связи между деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями означает, что эти последствия вызваны к жизни не действием (бездействием) третьих лиц либо какими-то иными факторами, а порождены поведением

данного субъекта, поэтому он должен нести ответственность за них. В объективной реальности не существует самой по себе причинной связи. При всей дискуссионности проблемы, относится ли причинность к способу нашей организации знаний или выступает неким фундаментальным фактом реального бытия, остается очевидным, что это некая связь, отношение между двумя социально-правовыми явлениями.

Диссертант выделяет пять значений понятия «общественная опасность»: 1) свойство преступления в его психофизическом единстве; 2) свойство деяния, которое может быть совершено и невменяемым, и лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, и лицом, имеющим пороки в интеллектуально-волевой сферах; 3) свойство действия (бездействия) субъекта; 4) свойство последствий, вызванных деянием лица; 5) характеристика лица, совершившего преступление.

Исходя из законодательного разграничения понятий «общественная опасность» и «опасность» сделан вывод: опасные для личности, общества или государства деяния, не запрещенные уголовным законом под угрозой уголовного наказания в силу того, что не обладают свойством общественной опасности, могут признаваться иными видами правонарушений, и прежде всего административным правонарушением. Правильна поэтому позиция, согласно которой преступления наиболее вредны для общества и степень вредности преступлений такова, что появляется новое качество — общественная опасность.

Учет категории «опасность деяния» приобретает особую актуальность применительно к тем деяниям, которые приобретают впоследствии статус преступления с формальным составом. Сбой в принятии решения на этапе установления уголовно-правового запрета, легитимация при отсутствии на то оснований влекут деформированную правоприменительную практику. Появляются «мертворожденные» нормы, когда из-за неоднозначно воспринимаемого текста закона остаются незащищенными интересы, подлежащие защите средствами уголовного закона. Возможна и крайность иного рода, когда при правоприменении принимаются решения, лишь формально соответствующие закону, но вступающие в противоречие с принципом экономии судебной репрессии. Опасность деяния должна быть понята так, чтобы механизм причинения им вреда, то, как оно умаляет охраняемые блага, были описаны в уголовно-правовой доктрине, имелись в виду законодателем и находили соответствующую мотивировку в решениях судов.

Проанализирована дискуссия о превалировании одного признака преступления над другим. Сделан вывод, что разные авторы рассматривают вопрос в разных плоскостях. Опасность деяния, бесспорно, первична по отношению к противоправности, но опасность тогда приобретает статус общественной опасности, когда она юридически выражена в уголовном законе. Общественная опасность и уголовная противоправность являются взаимосвязанными, взаимодополняющими и взаимообусловленными свойствами преступного деяния. Каждый из признаков, будучи

самостоятельным понятием, несет свою функциональную нагрузку, в частности, общественная опасность определяет деяние на физическом и социальном уровнях, запрещенность деяния уголовным законом — на правовом уровне. В итоге указанные признаки (свойства) именно в своей совокупности характеризуют деяние как целостное социально-правовое явление.

Общественная опасность противоположна по своему смыслу понятию «общественная безопасность», опасность деяния — понятию «безопасность личности, общества, государства». Этимологически значение слова «общественный» означает «относящийся к совокупности людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности (обществу)». «Опасный» с точки зрения русского языка трактуется как «способный причинить кому-нибудь вред, опасность», соответственно, как угроза причинения вреда. «Безопасность» означает состояние, при котором не угрожает опасность. Таким образом, общественная безопасность подразумевает отсутствие угрозы причинения обществу, т. е. отсутствие общественной опасности. Деяние потому признается общественно опасным, что причиняет вред *охраняемым* уголовным законом объектам — личности, обществу, государству. В этом отношении общественная опасность деяния заключается в причинении или создании угрозы причинения вреда объектам, поставленным под охрану уголовного закона в силу их особой значимости для функционирования общественного организма. В этом аспекте общественная опасность представляет качественную характеристику процесса порождения вредного результата, является признаком, характеризующим отношение, неразрывную связь между деянием и последствиями.

Подвергается критике положение о том, что нельзя основывать понятие преступления на категории причинения, причинности, ибо это означало бы исключительную материализацию всякого преступления. Обычно утверждают, что о конкретном преступлении мы судим ретроспективно, т. е. как о совершившемся и, следовательно, уже ничему не угрожающем, не содержащем в себе заряда опасности факте. То, что уже свершилось, исчерпало себя, и правовая оценка содеянного всегда связана с тем, что фактически сделано, а не с тем, что, вероятно, будет (или не будет) совершено (В. К. Глистин). Эти рассуждения иллюстрируют противоречивость двух уголовно-правовых аксиом: с одной стороны, тезиса о несуществовании безвредных преступлений, а с другой — тезиса о том, что любое преступление оставляет отпечаток во внешнем, физическом мире событий и явлений, имеет материальную природу. По мнению диссертанта, неправильно отождествлять область действительности только с физическим миром. Лицо, совершающее преступление, может не обнаруживать результат своего поведения на этом уровне объективной реальности, но неизбежно себя проявляет как социальный субъект, разрывая ткань общественных отношений, урегулированных нормами уголовного закона. Преступление с формальным составом отличается особенностями нормативного оформления и специфичным отражением на физическом, социальном и правовом уровнях объективной реальности.

В *третьем параграфе* «Причинность и запрещенность уголовным законом преступного деяния» отмечается, что если категория общественной опасности относится к числу специально-отраслевых понятий, то противоправность деяния имеет общеправовое значение. Исходя из законодательного определения понятия преступления как виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного УК под угрозой наказания, можно в самом первом приближении заключить, что уголовная противоправность (как вид противоправности вообще) состоит в *запрещенности деяния уголовным законом.* Это положение неразрывно связано с принципом *nullum crimen sine lege*. Речь идет о запрещенности, которая применима как к деяниям, еще не совершенным (когда адресату уголовно-правовой нормы предъявляется требование о недопустимости поведения, описанного в этой норме), так и к уже совершившимся деяниям (когда требуется решить вопрос о соответствии деяния признакам, указанным в уголовном законе).

Противоправность выступает юридическим выражением общественной опасности, объективной характеристикой уголовно наказуемого деяния. Состав преступления в значении юридического понятия, теоретической конструкции или описательной модели не может содержать в себе свойства общественной опасности. Само понятие ничего нарушать не может и никакой угрозы нарушения или причинения вреда чему-либо в себе не имеет. Однако фактический состав преступления как реально существующая антисоциальная система, состоящая из взаимодействующих обязательных именно для данного системного образования элементов, обладает свойством общественной опасности (Ю. И. Ляпунов). В этой связи уместно различать два значения противоправности: нарушение каких-либо норм — формальная противоправность; нарушение интересов, благ и т. п. — материальная противоправность (Г. П. Новоселов). Функцию уголовной противоправности нельзя сводить к роли формального определителя преступности деяния. Уголовно-правовая норма, предусматривающая уголовную ответственность за конкретное деяние, содержит указания на обстоятельства, при которых деяние признается преступным. Уголовная противоправность служит связующим звеном между преступлением и составом преступления, за ней скрывается не только формальное, юридическое, но и материальное основание уголовной ответственности (А. А. Тер-Акопов). Само по себе преступление и состав преступления с этих точек зрения правильно рассматривать одновременно и как *фактическое явление*, и как *явление правовой реальности*.

Глава четвертая «Преступный результат в структуре уголовно-правовой причинности» основывается на положениях, в соответствии с которыми любая человеческая деятельность влечет за собой изменения в окружающем мире. Преступление как разновидность человеческого поведения, вызывающая вредные, негативные изменения объективной реальности, не является исключением из этого ряда; беспоследственных преступлений не бывает.

В *первом параграфе* «Преступный результат как составляющая причинности» проанализированы разные понятия, употребляемые в уголовно-правовой доктрине для обозначения конечного компонента причинно-

следственной связи: «последствие преступления», «преступный результат», «преступный вред», «вредные последствия». Исследованы позиции, определяющие место преступных последствий в структуре преступления. Прослежена зависимость структуры преступных последствий от структуры объекта преступления, поскольку само последствие есть общественно вредное изменение в объекте.

Уголовный закон использует словосочетание «результат совершения преступления», имея в виду широкий круг последствий преступления. В частности, законодатель допускает, что *в результате* совершения преступления может быть причинен *вред* (ч. 2 ст. 237, п. 3 примечания к ст. 178 УК). Термин «вред» наряду с термином «ущерб» используется законодателем значительно чаще (191), чем «результат» (21). Различаются причиненный преступлением вред (ущерб), который может быть возмещен (полностью или частично), и вред, причиненный при иных обстоятельствах: а) при малозначительности деяния; б) при обстоятельствах исключающих преступность деяния (гл. 8 УК); в) при обстоятельствах, при которых субъект не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20, ст. 21, 31, примечания к ст. 308, 316 УК). В специальном значении признака, характеризующего объективную сторону преступления с материальным составом, используется термин «общественно опасные последствия», в связи с чем предлагается в формулировке ч. 1 ст. 207 УК («заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий») заменить слова «общественно опасных последствий» на слова «тяжких последствий».

Диссертант «результат совершения преступления», «преступный результат», «вредный результат», «преступные последствия», «вредные последствия» употребляет как синонимичные термины, позволяющие наиболее полно охватить конечный компонент уголовно релевантной причинной связи.

Общественная опасность преступных последствий рассматривается в двух значениях. Во-первых, в широком значении как свойство любого преступления, состоящее в том, что преступление причиняет вред охраняемым уголовным законом объектам. В этом значении словосочетание «общественная опасность преступного последствия» тавтологично. Так, общественная опасность как признак преступления, использованный законодателем в ч. 1 ст. 14 УК при определении понятия преступления, вполне могла быть заменена другим признаком — «причинившее вред личности, обществу, государству», а преступление, в свою очередь, могло определяться как «виновно причинившее вред личности, обществу, государству деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Во-вторых, общественная опасность преступных последствий может быть рассмотрена в узком понимании как социальная характеристика конкретного результата, причиненного конкретным преступлением. В этом значении общественная опасность преступных последствий деяний одного типа (или, иными словами, степень общественной опасности по признаку причинения вреда) может различаться. Например,

умышленное причинение смерти одному человеку в ссоре или драке (ч. 1 ст. 105 УК) менее опасно, нежели умышленное причинение смерти в ссоре или драке двум и более лицам (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК).

Противоправность преступных последствий определяется тем, как преступные последствия отражаются в Особенной части УК. С этой точки зрения исследованы вопросы классификации общественно опасных последствий. Проанализированы подходы выделения группы преступлений с формальным составом. Если исследователи дооктябрьского уголовного права преступления, в состав которых не входит последствие, рассматривали как исключение, то уже в советский период приводились данные о преобладании (60 %) формальных составов преступлений (Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров).

По подсчетам диссертанта, в УК «диспозиций» статей с описанием самостоятельных видов преступлений с формальным составом 423 (60 %), а «диспозиций» статей с описанием отдельных видов преступлений с материальным составом — 290 (40 %). Некоторые диспозиции уголовно-правовых норм содержат как материальный, так и формальный составы (ст. 171, 172, 178, 180 и др.); нужно учитывать иные разновидности сложных составов (в связи с правилом о неизбыточности вменения признаков содеянного), составы с квалифицированными (особо квалифицированными, особо-особо квалифицированными и т. д.), привилегированными составами и т. д. Подсчитать исключительно материальные и формальные составы более затруднительно, а при отсутствии единства мнений относительно критерия этой классификации и разного понимания «состава преступления» — и вовсе неинформативно. Например, по подсчетам диссертанта, в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК законодатель использовал 12 формальных составов (в том числе 6 квалифицированных составов) и около (в зависимости от понимания состава преступления) 122 материальных составов (в том числе 102 квалифицированных и особо квалифицированных состава). В гл. 26 «Экологические преступления» УК диссертант насчитал 14 формальных (в том числе 2 квалифицированных) и 34 материальных состава (в том числе 18 квалифицированных). Для сравнения: по подсчетам Н. А. Лопашенко, в гл. 26 УК всего 45 составов (Федеральным законом от 02.07.2013 № 150-ФЗ введены еще три состава, предусмотренные ст. 258^1 УК), из них 19 формальных и 26 материальных.

Показательно в этом плане отношение к деяниям, при совершении которых вред сливается в оконченном преступлении с завершением действия или бездействия как причины преступных последствий. При всей распространенности мнения об отнесении, например, такого преступления, как кража, к преступлениям с материальным составом, а значит, и необходимости определения причинной связи между действиями виновного (изъятием имущества и его обращением в свою пользу или пользу других лиц) и последствием (материальным ущербом), вряд ли эта задача покажется уместным занятием. Значение для квалификации имеет момент юридического окончания преступления (это влияет, как известно, на разграничение оконченного преступления от предварительной преступной деятельности,

соответственно, на назначение менее строго наказания при признании приготовления к преступлению или покушения на преступление). Момент окончания хищений неоднократно оговаривался в постановлениях Пленумов Верховных Судов РФ, РСФСР и СССР. В частности, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11.07.1972 № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» дал разъяснение, в соответствии с которым хищение следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 указано, что кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом). Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Как видно, момент вопрос окончания хищения прямо не зависит от решения вопроса о причинении вреда собственнику, иному владельцу изъятием имущества. Этот момент наступает позднее и определяется тем моментом, когда похититель может распорядиться изъятым имуществом как своим собственным.

Отсутствие единого критерия отнесения преступлений к группе преступлений с формальным составом лишний раз демонстрирует условность выделения этой группы преступления. По данным проведенного опроса, на вопрос, нужно ли устанавливать при квалификации причинную связь по делам о преступлениях с формальным составом, 48 % респондентов ответили: «Да, устанавливать необходимо», 45 % ответили отрицательно, а 7 % предложили иной вариант ответа.

Во *втором параграфе* «Механизм причинения преступного результата» исследование проводится с учетом ранее сделанного вывода, что обстоятельства с причиняющей способностью, в том числе деяние лица, в своей совокупности составляют единую системную причину, которая наряду с преступным результатом образует новый, обусловленный особым уголовно-правовым режимом регулирования, структурный уровень организации материи с элементарной причинно-следственной связью. Принцип изолирования предполагает вычленение не только деяния и вредного результата, но также иных причинных факторов — юридически значимых обстоятельств, причинно связанных с вредными последствиями.

Исходя из того, что проблема причинной связи как признака, характеризующего объективную сторону преступления, должна решаться в рамках особого уголовно-правового учения, имеющего «свой» специфический предмет исследования и «свою» методологию установления каузальных зависимостей, под предметом этого учения понимаются закономерности продуцирования преступным деянием общественно опасных последствий, особенности проявления этого процесса на физическом, социальном и

правовом уровнях объективной реальности. Методы каузального объяснения рассматриваются на двух уровнях: а) базовом — уровне методики определения причинности, предлагаемой философией; б) конкретно-научном — уровне приемов и правил установления причинной связи между деянием лица, имеющим уголовно-правовое значение, и наступившими общественно опасными последствиями. Причинность как онтологическое понятие не имеет уголовно-правовой либо иной другой специфики, напротив, гносеологическая сторона каузальности, позволяет рассматривать ее в конкретно-научном понимании с учетом отраслевой специфики.

Безусловно, оба уровня имеют одинаковое методологическое значение для практического решения вопроса о причинной связи. Они взаимно дополняют друг друга. При этом необходимо отметить, что при разрешении конкретных уголовных дел они используются в сочетании без какой-либо очередности. Выделение конкретных этапов (стадий) процесса причинного анализа зависит от иных оснований: выявления юридически значимых обстоятельств, подлежащих исследованию, и определения их взаимосвязи и роли в порождении вредного результата. Конкретный набор совокупности юридически значимых обстоятельств определяется спецификой конкретного вида преступления.

Рассматриваются вопросы оценки механизма причинения вреда в ситуациях, требующих экспертных заключений, даются рекомендации учета системной причины.

Глава пятая «Уголовно-правовая квалификация причинности» основана на выделенных диссертантом стадиях установления каузальной связи в уголовном праве: а) выявление элементов причинного отношения; б) установление среди них искомого деяния (при использовании, в частности, метода мысленного исключения); в) определение деяния как юридически значимой причины; г) сопоставление деяния лица с иными юридически значимыми обстоятельствами (привходящими силами) в процессе причинения ими вредного результата; д) формулирование вывода о наличии или отсутствии причинной связи.

В *первом параграфе* «Квалификация причинности на физическом уровне» отмечается, что предметная оценка механизма причинения преступных последствий отражает традиционные представления о причинном анализе по конкретному уголовному делу.

Исследование причинной связи начинается с установления преступных последствий. Затем причинному анализу подвергаются те события, которые предшествовали моменту наступления общественно опасного результата, тем самым проводится выявление фактической (количественной) основы исследования. Решение данной задачи достигается при помощи логических приемов установления причинной связи явлений и при учете философских критериев каузальных отношений. Раскрываются алгоритмы учета философских критериев причинности в уголовном праве: однонаправленности (или временной асимметрии), отношения порождения (генетической

зависимости), закономерности, необходимости, пространственной и временной непрерывности (или смежности).

Поскольку деяние лица и объект посягательства рассматриваются как самостоятельные, не сводимые другу к другу правовые феномены, то и поле вероятностных взаимосвязей между ними должно учитываться в полной мере, в том числе во внимание должно приниматься и то, что действие (бездействие) лица не повлечет негативных изменений в объекте преступления. Это означает, что и при совершении деяния с формальным составом в каких-то ситуациях вредный результат может быть *малозначительным*, а иногда может и вовсе *не наступить*.

Показаны примеры дефектов законодательной работы, когда нормативное отражение причинно-следственных закономерностей оказывается не адекватно реальной действительности.

Любое нормативное требование содержит определенную цель, ради которой оно принято. Невыполнение нормативного требования представляет собой действие (или бездействие), вызвавшее результат, противоречащий цели требования. Зная цель требования, можно определить и те причинно-следственные зависимости между действиями и последствиями, которые с необходимостью ведут как к «желательному» результату, так и к результату «нежелательному».

Механизмы причинения вреда при совершении преступлений с формальным и материальным составами отличаются друг от друга. Отличия проводятся по первому физическому (предметному, осязаемому) уровню. Если в материальных составах преступник воздействует непосредственно на личность, вещные объекты материального мира и это воздействие имеет уголовно-правовое значение, то в формальных составах такие формы соприкосновения с предметным миром непосредственно не определяют природу криминального события. Во втором случае юридически значимыми признаются изменения на социальном уровне и изменения, которым подвергается нормативно урегулированный уклад отношений.

В работе показано, что игнорирование системного характера уголовного права, действительных механизмов деформации объектов уголовно-правовой охраны не позволяет удовлетворительно решать и иные вопросы, в частности касающиеся причинности неосторожных преступлений.

Во *втором параграфе* «Квалификация причинности на социальном и правовом уровнях» исходя из посылки, что общественные отношения как массовидные, типичные связи между представителями социальных общностей (классов, наций и т. п.) носят безличностный, неперсонифицированный характер, а их субъекты выступают в них не как «живые личности», а как совокупные субъекты — носители тех социально-типичных черт, которые присущи тем или иным социальным образованиям, акцентируется внимание на отличии этих отношений от индивидуальных отношений (А. И. Бадаев, Б. В. Яцеленко). Социальный механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны состоит в разрушении (уничтожении) одного из слагаемых общественного отношения — индивидуальной социальной связи. А предметы

материального и духовного мира, не входя в состав общественных отношений и будучи поводом для их возникновения, служат лишь для овеществления, объективирования вовне общественных отношений. Разрыв индивидуального отношения, таким образом, выступает социальным последствием каждого преступления.

Сама по себе социальная причина, как отмечается в философии, представляет многослойное социальное образование, включающее в себя «действие», «отношение», «потребности», «интересы», «мотивы», «цели», «выбор», «предельное действие». Указанные слои не являются последовательными во времени диахронными элементами, а составляют единое целое, в котором они сосуществуют синхронно. Поэтому социальную причину, в частности преступное деяние, нужно видеть как алгоритм причинного действия, предстающий в виде единого структурного образования. Этот алгоритм должен быть понятен, максимально описан в законе, уголовно-правовой доктрине, решениях правоприменителя.

Любое правонарушение причиняет вред правопорядку, любое правонарушение наносит урон или создает угрозу урона какому-либо благу. Вместе с тем нужно понимать, что не все преступления влекут осязаемые, предметные, материальные последствия. Причинение вреда деянием нельзя сводить только к разрыву общественных отношений и понимать под совершением преступления исключительно деформацию общественных отношений. Совершение преступления — это и изменение предметного (объективного) мира, который может существовать вне социальных связей, и разрушение общественных отношений, и подрыв правопорядка.

Изменения в предметной реальности, согласно сложившейся традиции, не имеют значения для уголовно-правовой квалификации при оценке деяний, описание которых проводится по типу формального состава преступления. Эта традиция в итоге не всегда способствует обеспечению объективности, всесторонности и полноте разрешения уголовных дел. В работе приведены примеры судебной практики и предлагаемые в связи с этим решения.

При наличии объективной причинной связи в отдельных случаях вывод об отсутствии причинности производится исключительно из-за разрыва механизма причинения на правовом уровне, например в ситуациях уголовно-правовой оценки действий посредственных причинителей (наиболее рельефно — в случаях, когда используется фактическая ошибка годного субъекта). При физическом причинении последствий субъектом, который заблуждается относительно фактических обстоятельств обстановки, причиной в уголовно-правовом смысле признаются не действия этого субъекта, а действия лица, воспользовавшегося «услугами» физического причинителя.

В **заключении** диссертации подведены итоги проделанной работы, излагаются основные выводы и предложения, вытекающие из результатов исследования.

В **приложении** изложены результаты проведенного социологического исследования.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

I. Статьи, опубликованные в изданиях согласно Перечню российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (по состоянию на 10.07.2014)

1. *Соктоев, З. Б.* Деяние лица в структуре уголовно-правовой причинности / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 10. — С. 198-202 (0,4 п.л).

2. *Соктоев, З. Б.* Каузальный анализ при квалификации преступлений с формальным составом / З. Б. Соктоев // Российский криминологический взгляд. — 2014. — № 3. — С. 235-238 (0,3 п.л.).

3. *Соктоев, З. Б.* Философия Аристотеля и уголовно-правовая причинность / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 1. — С. 69-71 (0,3 п.л.).

4. *Соктоев, З. Б.* О взаимообусловленности причинной связи и вины в дорожно-транспортных преступлениях / З. Б. Соктоев // Уголовное право. — 2013. — № 4. — С. 62-67 (0,5 п.л.).

5. *Соктоев, З. Б.* Причинная связь в уголовном праве: *de lege ferenda* // Образование. Наука. Научные кадры. — 2013. — № 8. — С. 80-82 (0,4 п.л.).

6. *Соктоев, З. Б.* Причинная связь в дорожно-транспортных преступлениях / З. Б. Соктоев // Lex Russica. — 2013. — № 7. — С. 706-717 (1,2 п.л.).

7. *Соктоев, З. Б.* Опасная ситуация в механизме причинной связи дорожно-транспортных преступлений / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 5. — С. 88-91 (0,4 п.л.).

8. *Соктоев, З. Б.* Уголовно-правовая и экспертная оценка причинной связи / З. Б. Соктоев // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 4. — С. 375-378 (0,3 п.л.).

9. *Соктоев, З. Б.* Теории «адекватной» причинности и «необходимого причинения» в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2012. — № 3. — С. 60-65 (0,4 п.л.).

10. *Соктоев, З. Б.* Теория эквивалентности и правило *conditio sine qua non* в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 4. — С. 93-96 (0,4 п.л.).

11. *Соктоев, З. Б.* Причинная связь в преступных нарушениях правил охраны труда / З. Б. Соктоев, Н. Н. Хилтунов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2012. — № 1. — С. 50-62 (0,5 п.л.; авторство не разделено).

12. *Соктоев, З. Б.* Причинность в преступлениях с формальным составом / З. Б. Соктоев // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 1. — С. 96-100 (0,5 п.л.).

13. *Соктоев, З. Б.* К вопросу об особом уголовно-правовом учении о причинности / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 10. — С. 119-121 (0,3 п.л.).

14. *Соктоев, З. Б.* Об обыденном познании при установлении причинности в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 9. — С. 108-111 (0,3 п.л.).

15. *Соктоев, З. Б.* О детерминирующих связях при установлении причинности в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 7. — С. 170-172 (0,4 п.л.).

16. *Соктоев, З. Б.* Диспозицию статьи 145.1 УК надо изменить / З. Б. Соктоев, В. М. Болдинов // Законность. — 2010. — № 3. — С. 40-42 (0,3 п.л.; авторство не разделено).

17. *Соктоев, З. Б.* К вопросу о причинении криминального вреда и коррупции / З.Б. Соктоев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 12. —С. 10-12 (0,3 п.л.).

18. *Соктоев, З. Б.* Детерминизм и причинность: к вопросу об установлении объективной стороны преступления / З. Б. Соктоев // Уголовное право. — 2009. — № 3. — С. 40-43 (0,4 п.л.).

19. *Соктоев, З. Б.* Философские аспекты установления причинной связи в преступлениях с «формальным» составом / З. Б. Соктоев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2009. — № 3. — С. 8-12 (0,6 п.л.).

20. *Соктоев, З. Б.* О подходах к определению уголовно-правового деяния / З. Б. Соктоев // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2008. — № 3. — С. 122-125 (0,6 п.л.).

21. *Соктоев, З. Б.* Учет принципов и оснований криминализации при конструировании уголовно-правовых норм / З. Б. Соктоев // Законность. — 2008. — № 3. — С. 10-13 (0,4 п.л.).

22. *Соктоев, З. Б.* Деятельное раскаяние – покаяние в содеянном? / Е. Л. Забарчук, З. Б. Соктоев // Законность. — 2007. — № 4. — С. 47-48 (0,3 п.л.; авторство не разделено).

23. *Соктоев, З. Б.* Причинность в уголовном праве: о преломлении философской категории / З. Б. Соктоев // Российский ежегодник уголовного права. — № 2. — 2007. — С. 305-324 (1,7 п.л.).

24. *Соктоев, З. Б.* Об оценке предмета криминальной невыплаты заработной платы и иных социальных платежей / З. Б. Соктоев // Трудовое право. — 2007. — № 11. — С. 40-45 (0,4 п.л.).

25. *Соктоев, З. Б.* О последствиях преступлений с формальным составом / З. Б. Соктоев // Вестник Российской правовой академии. — 2006. — № 3. — С. 36-38 (0,3 п.л.).

26. *Соктоев, З. Б.* Освобождение от уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ / Е. Л. Забарчук, З. Б. Соктоев // Вестник Российской правовой академии. — 2006. — № 4. — С. 26-28 (0,4 п.л.; авторство не разделено).

27. *Соктоев, З. Б.* Отражение бездействия на социальном и правовом уровнях объективной реальности (на материале статьи 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) / З. Б. Соктоев, Е. И. Соктоева // Вестник Российской правовой академии. — 2005. — № 2. — С. 54-58 (0,5 п.л.; авторство не разделено).

28. *Соктоев, З. Б.* Рецензия на книгу: «Музыка А.А., Багиров С.Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк. — Хмельницкий: Изд-во Хмельницкого университета управления и права, 2009. — 112 с. — ISBN 978-966-8823-752-1» // Уголовное право. — 2012. — № 4. — С. 131-135 (0,5 п.л.).

29. *Соктоев, З. Б.* Рецензия на книгу: «Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / П. А. Андрушко, А. А. Арямов, Н. А. Бабий [и др.]; отв. ред. А.И. Чучаев. — Москва: Проспект, 2014. — 680 с. — ISBN 978-5-392-13525-7» // Lex Russica. — 2014. — № 1. — С. 242-247 (0,5 п.л.).

II. Монографии

30. *Соктоев, З. Б.* Причинность и объективная сторона преступления: монография / З. Б. Соктоев. — М.: Норма, 2015. — 17 п.л.

31. *Соктоев, З. Б.* Теоретико-методологические основы причинности в уголовном праве: монография / З. Б. Соктоев; под ред. И. Э. Звечаровского. — М.: Изд-во ЮНИТИ, 2012. — 19,5 п.л.

32. *Соктоев, З. Б.* Уклонение от уплаты социальных платежей: монография / З. Б. Соктоев, Е. И. Соктоева. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. — 6,3 п.л. (авторство не разделено).

III. Иные научные публикации

33. *Соктоев, З. Б.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (ст. 29-31, 105-110 УК РФ) / отв. ред. А. И. Рарог. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2014.— С. 60-66; 242-255 (1,4 п.л.).

34. *Соктоев, З. Б.* Преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 264, 268 УК РФ) / З. Б. Соктоев // Энциклопедия уголовного права. Т. 24. Преступления против безопасности и эксплуатации транспорта. — Издание профессора Малинина. — СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2014. — С. 130-320 (8,5 п.л.).

35. *Соктоев, З. Б.* Криминальные нарушение правил охраны труда и невыплата социальных выплат: учеб. пособие / З. Б. Соктоев, Е. И. Соктоева; РПА Минюста России. — М.: РПА Минюста России, 2007. — 120 с. (7,5 п.л. авторство не разделено).

36. *Соктоев, З. Б.* Опийные наркомании и противодействие незаконному обороту наркотиков: социальный, правовой, медицинский аспекты: пособие / З. Б. Соктоев, Ю. В. Солодун ; Комитет по молодежной политике при

Администрации Иркутской области. — Иркутск: Изд-во Иркут. ин-та повышения квалификации прокурор. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2006. — С. 70-114 (12,5 п.л./5,0 п.л.; авторство разделено).

37. *Соктоев, З. Б.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: учеб. пособие / З. Б. Соктоев. — Иркутск: Изд-во Иркут. ин-та повышения квалификации прокурор. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2004. — 115 с. (6,6 п.л.).

38. *Соктоев, З. Б.* Опийные наркомании и противодействие незаконному обороту наркотиков: социальный, правовой, медицинский аспекты: пособие / Ю. В. Солодун, Л. И. Лавдаренко, З. Б. Соктоев ; Комитет по молодежной политике при Администрации Иркутской области ; ОГУ «Центр профилактики наркомании». — Иркутск: Изд-во Иркут. юрид. ин-та Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2003. — С. 46-61 (9,52 п.л./1,2 п.л.; авторство разделено.

39. *Соктоев, З. Б.* Уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат: учеб. пособие / З. Б. Соктоев, Е. И. Соктоева. — Иркутск: Изд-во Иркут. ин-та повышения квалификации прокурор. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2005. — 78 с. (4,1 п.л.).

40. *Соктоев, З. Б.* Квалификация преступлений против жизни: метод. материалы к семинару / З. Б. Соктоев. — Иркутск: Изд-во Иркут. ин-та повышения квалификации прокурор. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2004. — 22 с. (1,0 п.л.).

41. *Соктоев, З. Б.* От понятия причинной связи — к уголовно-правовой теории причинности / З. Б. Соктоев // Уголовное право и криминология. Материалы секции уголовного права и криминологии VI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» — «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» / отв. ред. А.И. Рарог, И.М. Мацкевич. — М.: Проспект, 2014. — С. 116-118 (0,2 п.л.).

42. *Соктоев, З. Б.* Причинная связь в уголовном праве: de lege ferenda // Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: сб. материалов круглого стола (Москва, 10 июня 2014 г.) / под общ. ред. О.Д. Жука; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2014. — С. 43-47 (0,4 п.л.).

43. *Соктоев, З. Б.* О причинении вреда по уголовному законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики / З. Б. Соктоев // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конференции (г. Улан-Удэ, 19-22 июня 2008 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2008. — С. 230-231 (0,2 п.л.).

44. *Соктоев, З. Б.* Преступления с предустановленными последствиями / З. Б. Соктоев // Международные юридические чтения. Материалы междунар. научно-практ. конференции. Материалы и доклады. — Вып.4. — Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2008. — С. 153-155 (0,2 п.л.).

45. *Соктоев, З. Б.* Об уголовно-правовой теории причинности / З. Б. Соктоев // Противодействие преступности: уголовно-правовые,

криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III Российского конгресса уголовного права (29-30 мая 2008 года). — М.: Проспект, 2008. — С. 141-143 (0,25 п.л.).

46. *Соктоев, З. Б.* О механизме причинения вреда объекту преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ / З. Б. Соктоев // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики. Материалы Международной научн.-прак. конф., посвященной 85-летию со дня рождения д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ Н.А. Беляева. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. — С. 401-404 (0,2 п.л.).

47. *Соктоев, З. Б.* Уголовно-правовая теория причинности: о непротиворечии философскому определению / З. Б. Соктоев // Третьи Всероссийские Державинские чтения (Москва, 14-15 декабря 2008 года): сб. ст.: в 8 кн. Кн. 4: Проблемы уголовного права и процесса / отв. ред. Н.Г. Иванов; ГОУ ВПО РПА Минюста России. — М.: ГОУ ВПО РПА МЮ РФ, 2008. — С. 110-114 (0,3 п.л.).

48. *Соктоев, З. Б.* Причинение и сопряженность извлечения дохода как признаки криминального предпринимательства / З. Б. Соктоев // Вторые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 9-10 ноября 2007 года): сб. ст.: в 8 кн. — Кн.4: Проблемы уголовного права и процесса / отв. ред. Н.Г. Иванов; ГОУ ВПО РПА Минюста России. — М.: РПА МЮ РФ, 2007. —С. 268-271 (0,3 п.л.).

49. *Соктоев, З. Б.* Об отражении принципа неотвратимости применения мер уголовно-правового характера в уголовном законе / З. Б. Соктоев // Деятельность правоохранительных органов и государственной противопожарной службы в современных условиях: материалы Всероссийской научн.-прак. конф. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2005. — С. 141-143 (0,2 п.л.).

50. *Соктоев, З. Б.* Каузальный анализ при установлении итогов голосования, определении результатов выборов / З. Б. Соктоев, А. В. Миронов // Академический юридический журнал. — 2004. — № 1. — С. 19-24 (1,2 п.л.; авторство не разделено).

51. *Соктоев, З. Б.* О влиянии опасной ситуации на формирование деяния дорожно-транспортного преступления / З. Б. Соктоев // Право и законность: Сб. научн. тр. [Отв. ред. проф. И. Э. Звечаровский, проф. А. И. Хаснутдинов]. — Иркутск: Изд-во ИЮИ ГП РФ, 2001. — С. 80-90 (0,6 п.л.).

52. *Соктоев, З. Б.* О методологических основах установления причинности в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы научно-практической конференции [Отв. ред. В.В. Ершов, С.В. Скляров]. — Иркутск: Изд-во РПА МЮ РФ, 2001. — С. 199-203 (0,2 п.л.).

53. *Соктоев, З. Б.* К истории вопроса о причинности / З. Б. Соктоев // Сибирский юридический вестник. — 2000. — № 3. — С. 58-66 (1,0 п.л.).

54. *Соктоев, З. Б.* О некоторых вопросах причинного анализа в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Материалы ежегодной научно-практической

конференции ЮИ ИГУ. — Иркутск: Изд-во ЮИ ИГУ, 2000. — С. 133-134 (0,1 п.л.).

55. *Соктоев, З. Б.* К вопросу о причинной связи в уголовном праве / З. Б. Соктоев // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в России. — Иркутск: Изд-во ЮИ ИГУ, 1998. — С. 107-109 (0,2 п.л.).

Общий объем работ — 97,05 п.л.

Подписано в печать 11.12.2014 г.

Усл.п.л. — 2,3
Заказ № ___
Тираж: 150 экз.
Типография ООО «Медлайн-С»
ИНН 7714504655
125315, Москва, Ленинградский пр-т, дом 78, корп. 5
8 (499) 152-00-16